

Статья Александру Одобеску (1834-1896)
«Несколько часов в Снагове»

По изданию: Александру Одобеску. Избранное, - М.: Худлит, 1984.

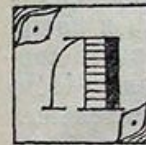
Файл создан для ознакомления читателей
страницы: [О Дракуле и только...](#)

Не для коммерческого использования!

Несколько часов в Снагове

В МОНАСТЫРЬ!

юди в Стране Румынской, начиная от высших и просвещенных классов, среди которых вербуются служащие магистратуры, вплоть до слоев самых низких, до последних что ни на есть злодеев,— все в настоящее время знают, что древний монастырь в Снагове, расположенный в четырех часах езды от Бухареста, решено согласно уголовному кодексу страны превратить в место заключения преступников, которые не удостоились более тяжкого наказания в виде каторжных работ на соляных коях или в портах по берегам Дуная. Таким образом, наш читатель может ожидать, что найдет на этих страницах нечто вроде диссертации об исправительной системе в тюрьмах с точки зрения юридической, экономической или гуманитарной или хотя бы более или менее романтическую повесть, которая своими красками, блеклыми или яркими, напоминала бы «Мои темницы» Сильвио Пеллико или «Последний день осужденного» Виктора Гюго.

С самого начала поспешим отменить подобные ожидания и заявить, что все, что будет говоритья о теперешней тюрьме, меньше всего будет касаться ее сегодняшних обитателей. Естественное предрасположение толкает меня к старине, побуждая все искать в прошлом и надеяться, что усопшие, оставившие свои имена в этом благочестивом прибежище печали, сумеют напомнить о минув-

ших днях, о деяниях и обычаях, если не веселых, то по крайней мере более привлекательных и более благородных, чем заурядные грабежи арестантов, которые ныне попирают и прах усопших, и самую память о них.

Я нахожу несказанное удовольствие в путешествиях по различным областям родной страны, наталкиваясь повсюду на следы и память о наших предках; здесь каменный крест, затерявшийся в пустынном поле, напоминающий о подвиге или о жестокой мести; там старая часовня, которая в надписях, портретах и незамысловатых украшениях хранит следы благочестия и щедрости древних воевод; там развалины громадной стены, руины крепости, останки старинного дворца неслышно шептывают сердцу славное имя Траяна и других героев, продолжавших его благородную деятельность на румынской земле. На каждом шагу приходится прерывать пытлиное путешествие, приятно и почтительно удивляясь этим благочестивым или торжественным памятникам, которые из глубины веков поднимаются над нашим современным ничтожеством. Дух воспаряет к давно минувшим временам, в то время как взгляд блуждает по лугам и пажитям нашей родины, которые были красноречивыми свидетелями стольких весьма разнообразных деяний. Часто и елико возможно чаще в поисках столь живительных впечатлений покидаю я город и повседневные заботы, чтобы набрести на просторных полях, в прохладных горах и среди древних поселений, рассыпанных то здесь, то там, на свидетелей тяжких и славных времен, которые были и миновали.

Так вот и в прошлом году прекрасным летним утром отправился я без определенной цели по дороге на Плоешти. Для того, кто спешит откликнуться на повторный вызов в суд уезда Прахова или же хочет продать шерсть или строительный лес, заготовленный в горах, нет ничего полезнее, удобнее и даже приятнее, как я понимаю, чем умело проложенное шоссе, которое, беря начало от сада в конце улицы Подул Могошоайей¹, тянется словно нить вплоть до заставы на окраине Плоешти и за три-четыре часа безо всяких препятствий и тревожений может привести в столицу горной области.

¹ Подул Могошоайей, т. е. Мост Могошоайи, что означает «мощенная дорога на Могошоайю» (пригородный дворец князей Брынковяну), бывшее название одной из главных улиц Бухареста, именуемой ныне Каля Викторией (Дорога Победы). (Примеч. перев.)

Но мне, путешественнику с неограниченными желаниями, жадному до познания тайных сокровищ родной страны, жаждущему уловить в них последний вздох минувшего, укрывшегося в забытых цивилизацией местах, эта однообразная дорога, протянувшая свою насыпь из мелкого желтоватого щебня через поля и леса, пересекающая ложбины и прогрызающая холмы, чтобы не уклониться от прямого направления, эта натянутая струна, безвкусно пронизывающая все красоты природы, кажется чем-то ненормальным, невыносимым, неестественным и абсурдным, безобразящим натуру, не оказывающим чести ни воображению, ни тонкому вкусу человека, ни его чувству соразмерности. Доказательством тому, насколько справедливо это ощущение, служит непреодолимое отвращение, какое тут же овладевает мной, как только коляска начинает меня укачивать, катаясь и поскрипывая по укатанной поверхности добротного шоссе. В подобном случае все чувства путешественника отмирают: глаза устают от отсутствия разнообразия, уши привыкают к поскрипыванию, как к журчанию ручья, ноздри забивает пыль, голос застревает в сдавленной груди и глупая сонливость овладевает незадачливым путешественником! И вот он уже спит, громко всхрапывая! — Будьте здоровы, ярких и разнообразных вам впечатлений! — Для спящего человека не существует чарующих пейзажей, памятники прошлого безмолвствуют на протяжении всего пути. Весьма редко почтовым ящикам приходит в голову устроить фантастические скачки, которые заставляют вспомнить стремительно мчащегося бога Одина¹, нахлестывающего своего многоногого вихреподобного жеребца, только тогда прерывается сон, уступая место страху перед повозкой, мотающейся от одной обочины шоссе до другой, будто это расходилась острая коса по лугу.

Забота, снедавшая меня в день моей поездки в Плоешти, ни в коей мере не была похожа на этот страх, ибо тихих соловых лошадок, которые увлекали мою бричку, ни в чем нельзя было сравнить с божественным конем, и единственная вина их заключалась в том, что они размеренно и очень ровно бежали вперед, настойчиво побуждая меня отдаться в мало соблазнительные объятия

¹ Один — верховный бог в скандинавской мифологии, создатель людей, бог мира и войны, покровитель искусств, ремесел, знаток рун. В «Младшей Эдде» рассказывается о соревновании Одина в конной скачке с великаном Хрунгиром. (Примеч. перев.)

бога Морфея¹. Когда убаюкивающее воздействие шоссе, борющееся с моим упорным любопытством разумного путешественника, начало одолевать, что было уже в трех часах езды от Бухареста, после села Тынкэбешть, там, где справа от шоссе стоит маленькая деревенская корчма, передо мной неожиданно открылась прекрасная широкая дорога, божественная дорога, которая уходила в густой лес, расстилаясь, словно половик, сотканный из свежей мягкой травки, кое-где погружаясь в обширные лужи, оставшиеся после дождя. Мой варварский инстинкт,— что уже говорит о многом,— тут же побудил меня оставить злосчастное шоссе и с сердцем, замирающим от предвкушения встречи со свободной природой, свернуть в очаровательный лесок.

Каким неразумным бывает порой человек в своих суждениях! — думал я про себя, когда мягкая и влажная земля извилистой дороги сменила под колесами брочки жесткое, скрежещущее, пыльное, прямое и окаменевшее шоссе.— Сколь неразумен человек! Он претендует на то, что продвигается вперед, прогрессирует, становится цивилизованной, придумывая новые средства передвижения. Но какова же цель прогресса, цивилизации, если не в том, чтобы предоставить человеку самую широкую независимость в поступках, размышлениях и в проявлении вкусов? Не в том ли, чтобы распространить по всему свету самую широкую свободу? Разве человек не свободнее, когда он с помощью собственных ног, данных ему от рождения, пересекает пространство там, где ему в голову взбредет, останавливаясь, где захочется, сворачивая где заблагорассудится, пускаясь бежать, сбившись с дороги, и отдыхая, почувствовав усталость? Однако для этого нужно, чтобы он частично отказался от этой самостоятельности и приручил какое-либо животное, подчинив его себе. Не боясь ошибиться, можно сказать, что животное, будучи живым творением, обладающим инстинктами, вкусами, собственными желаниями и склонностями, было приручено человеком, чтобы стать ему товарищем и помощником. И действительно, лошадь, которую великий Бюффон назвал «самой благородной победой, какую человек одержал над природой», кажется, разделяет все радости и беды своего спутника-человека; стремитель-

¹ Морфей — в греческой мифологии сын бога сна Гипноса. Принимая различные человеческие облики, является людям во время сна. (Примеч. перев.)

ный и отважный на войне, конь вместе со всадником грудью встречает все опасности, воодушевляясь, как и человек, при звоне оружия, вспышках выстрелов, от запаха пороха и при виде крови! Если человек объят любовной страстью и стремится броситься в объятия своей возлюбленной, то стоит посмотреть, как горделиво, с каким торжествующим ржаньем несет его конь, высекая копытами искры и роняя пену с удила! Или, к примеру, несчастный ямщик мается от тоски. Кто же разделит его печаль, если не верный конек, к которому он обращается:

Эй, конек ты мой соловый,
Ты скачи, скачи резвей
По степной дороге длинной,
Ты печаль мою развей.

Ты на всем скаку споткнешься —
И сложить главу мне тут.
Так скачи туда быстрее,
Где без чувства все живут.

Если же нет доверия простому румынскому ямщику, которого можно заподозрить, будто ему не дано мыслить как цивилизованному человеку, то следует обратиться к такому классику, как Расин, поэту самому безупречному и строгому со всех точек зрения; даже он, говоря о конях усопшего Ипполита, восклицает:

И те, что его мчали, лихне скакуны
Стоят теперь недвижно, в печаль погружены.
Глаза у них потухли, и, морды опустив,
Как будто понимают они судьбы призыв¹.

Из этого можно заключить, насколько животное может быть товарищем, полным сочувствия, задушевым, трогательным другом того, кто лишь из простого чванства именуется хозяином; человек, доверяя животному груз своего тела, не порабощает его окончательно, а скорее вступает с ним в соглашение как с существом, которому приятно ради этого частично пожертвовать даже таким неоценимым даром, как собственная независимость. До сих пор все выглядит вполне естественно, но когда человек, этот царь природы, докатывается до того, что вверяет свою судьбу простым грубым силам, которые не судят, не рядят, не чувствуют, а только движутся впе-

¹ Строки из трагедии «Федра» французского драматурга Жана Расина (1639—1699). (Примеч. перев.)

ред, разрушая все вокруг, не считаясь ни с чем, не сознавая ничего, когда человек становится прислужником при котле с кипящей водой, который слепо влечет за собою человеческие души и не ведает более высокого закона, более сильной узды, чем две железные рельсы, положенные на деревянные плахи, иными словами, когда человек с грандиозными затратами, проливая невероятное количество пота, прокладывает железные дороги, чтобы перевозить самого себя, словно щепку, брошенную на произвол непостижимых элементов, тогда я, единственный из всех людей, заявляю, что человек утратил самое драгоценное сокровище своего разума, тот светлый луч, делавший его похожим на божество, т. е. чувство собственного достоинства и свободы; он унизил себя до того, что стал орудием, игрушкой, рабом грубой материи, и вместо того, чтобы стремиться к цивилизации, как это утверждают многие, он, как мне кажется, превратился в самую что ни на есть унижительную никчемность и деградировал, несчастный, до уровня самого печального варварства!

Подобными весьма решительными рассуждениями, которые, однако, как я надеюсь, не помешают проложить железную дорогу от Буковины до Галаца, а оттуда, возможно, и до реки Жиу, подобными резкими выводами и еще многими другими, весьма диалектическими суждениями была занята моя голова, пока бричка потихоньку пересекала зеленую опушку, на которую с такой радостью я свернул. И, действительно, все вокруг чаровало взор, высокие дубы, пронизанные лучами летнего солнца, являли в своих развесистых кронах всю гамму изумрудных оттенков, начиная от нежной зелени почек до мрачной черноты ствола. Напоенный ароматами прохладный воздух оживлял дыхание, а шепот листьев, чуть трепещущих от легкого ветерка, смешивался со стрекотаньем кузнечиков, спрятавшихся в траве. Среди этого таинственного леса, купавшегося теперь в лучах полуденного солнца, лошади бежали ровно; ямщик подбадривал лошадей, изредка взмахивая над их головами кнутом и время от времени, обращаясь к ним, негромко, но протяжно кричал: «Э-эх, милые!» Колеса брички прокладывали узенькие колеи, вдавливая нежную траву в мокрую землю, и весь экипаж слегка покачивался. Несколько диких голубей, оказавшихся единственными хозяевами леса в это время, нежились на дороге. Когда бричка приближалась к ним, они перелетали на другое место, но

опять садились на дорогу. Когда им надоело это состязание, они укрылись среди ближайших деревьев. Таким образом, лес в этот день казался совсем пустым. Всего нам встретилось только двое липован¹, проживающих в селе по соседству. По их длинным бородам и рубашам, расшитым красными узорами, легко было распознать, к какой нации они принадлежат, а по их конусообразным шапкам, сдвинутым чуть набекрень, по их длинным кафтанам, небрежно брошенным на плечи, по их походке, когда они шли будто по двум тропинкам разом, легко можно было понять, что в этот праздничный день бедные рабочие люди, точно так же, как и большинство людей в мире, нашли забвение от всех невзгод и обрели минуту полного счастья в веселой и утешительной попойке. И правда, разве плохо выразил это поэт, который в напевных стихах говорит следующее:

Наша жизнь — одно похмелье.
Все хмелеет от любви.
Кто хмелеет от веселья,
Кто — лишь имя назови.

От богатства все пьянеют,
От науки этот пьян,
И от глупости хмелеют,
И от слез стоит дурман².

Повторяя мелодичные строки поэта, посвященные «Хмелю», полные весьма глубокой философии, мысль моя с печалью обратилась к другому певцу попоек, к другому юному другу, который в один прекрасный день покинул нас, оставив нам в доказательство таланта, кипевшего у него в груди, несколько звучных стихотворений, полных изящества, чувства, огня и живости.

Александру Сихляну³, наш приятель по учебе и на родине, и за границей, обладал острым умом, насмешливым характером, пылким воображением, способностью легко слагать стихи, скрывая это под внешним покровом глубокой лени, игривого равнодушия, которое было

¹ Липоване — русские старообрядцы, переселившиеся в Румынию в результате религиозных преследований. (Примеч. перев.)

² Стихи принадлежат участнику революции 1848 г., борцу за объединение княжеств, поэту Джордже Крецяну (1829—1887). (Примеч. перев.)

³ Александру Сихляну (1834—1857) — румынский поэт. Стихи его были собраны в книгу «Интимные гармонии» (1857). (Примеч. перев.)

написано на его черноглазом и бледном, но тонком и приятном лице. Когда кто-нибудь читал составленное им комическое описание прогулки по парку Чишмиджну или его стихи «Родина», «Стража», «Вурдалак», а также многие сонеты и другие его произведения, никто не сомневался, что таланту этого поэта суждено блестящее будущее. И все эти дары, сопровождаемые всеми удовольствиями нашей жизни: молодость, изящество, богатство,— все это четыре года назад было уничтожено странной болезнью, неведомой даже докторам, каким-то ужасным природным явлением, когда от маленького прыщика, вскочившего на губе у молодого человека, гангрена за несколько часов распространилась по всему телу. У молодого поэта даже не было времени, чтобы понять, что такое в жизни страдания и огорчения, и он, наслаждаясь житейскими радостями, посвятил вину следующие вдохновенные строки:

Ты, амброзия святая,
Душу радуешь мою.
Пью тебя, волна золотая,
Словно воды Леты пью.

О минувшем забываю.
Все — улыбка, все — весна.
Что нас ждет, туда хмельная
Не велит смотреть волна.

Люди мучатся, рыдая?
Я на слезы не гляжу.
Что мне туча грозная —
Я как солнце прохожу.

О, вакханка, в нетерпенье
Поцелуй зову я твой.
Как я жажду наслажденья,
Напоен хмельной струей.

Так теки, волна золотая,
Мне сладка хмельная ты:
С каждой каплей я впиваю
Лучшие свои мечты!

Пока я предавался этим воспоминаниям, и печальным, и утешительным, с боковой дороги, скрывающейся в лесу, на главную неожиданно выкатился арендаторский возок, запряженный тройкой крестьянских лошадей, которыми правил, сидя на козлах, оборванный и нечеловеческий цыган. Возок был битком набит дочками арендато-

ра, разодетыми и разукрашенными во все цвета радуги. Сколько их было числом, честное слово, не могу сказать; единственно знаю, что среди пышных кринолинов и вышитых юбок, среди цветастых шелковых платьев, среди плиссировок, манжетов и воланов, среди причесок с цветами, кружевами, лентами и перьями и, наконец, среди всякого рода многочисленных и пестрых украшений, которые мелкие галантерейщики и офени из Бухареста продают сельским барышням за чистый парижский товар, проглядывали многочисленные кругленькие и милые личики с розовой кожей, черными, блестящими глазками, яркими, соблазнительными губками. Юные поселенки беззаботно отправились отметить праздники к соседям, но их непрезентабельный экипаж, в котором они повстречали горожанина, заставил их смутиться. Ложное чувство неловкости взяло верх над свободным и веселым проявлением природы, и вот одно за другим личики стали скрываться за зонтиками, вуалями, пухленькими ручками, розовый цвет которых не могли затмить черные митенки. Эта игра в прятки разожгла мое любопытство и придала еще большую пикантность блестящим глазкам и робкой улыбке, которые мелькали порой сквозь заслон, поднятый против моих нескромных взглядов. Мой кучер, человек весьма сообразительный, то пропускал вперед повозку с юными путешественницами, то — именно в тот миг, когда повозка кренилась на ухабе, — норовил ехать рядом с нею. Таким образом, взор мой ласкал то величественный лес, украшение природы, то миловидный облик юных женщин, очарование нашей человеческой жизни.

Пока я так мило развлекался, моя бричка въехала в село, находившееся на перекрестке дорог, и, свернув направо, оказалась вдруг перед обширной водной гладью, ограниченной вдаль со всех сторон густым и темным лесом. Посреди озера на маленьком островке виднелись обветшалые стены и зубчатые башни старинного монастыря Снагова. От берега, на котором находился я, по направлению к острову торчало несколько обломанных и обгоревших свай, отбрасывающих длинные тени на зеленатую поверхность воды. Это были остатки старого моста, который некогда соединял два берега. В 1821 году, во время войны греков, поднятых Ипсиланти против турок, эти, последние, подожгли мост, который и горел целый день и целую ночь, повиснув огненной струной над водою. С той поры связь с монастырем осуществляется

с помощью паромов, которые приводят в движение веслами, поскольку озеро здесь местами довольно глубоко и достигает пятнадцати четвертей, а то и больше. Даже береговые жители путешествуют по нему с некоторой опаской, потому что, как часто здесь случается, легкий челнок, перевернутый ветром или скрытым под водой среди озера камышом, пропадает вместе с гребцом. Еще более ужасное событие произошло в 1853 году. Конвой солдат должен был сопровождать в Снагов, в тюрьму, довольно большую партию арестантов. Телеги с осужденными прибыли на берег озера уже к вечеру, и, чтобы не затягивать переправу, незадачливый комендант перегрузил паром, загнав на него слишком много арестантов, да еще в сопровождении солдат.

Паром с трудом отошел от берега, лодки, на которые был положен настил, ушли в воду по самые борта, скрепы трещали при каждом движении, всех объела тревога. Вдруг посередине пути послышался страшный треск, паром распался и стал погружаться в воду вместе с перепуганным насмерть грузом. На фоне багрового закатного неба разыгралась ужасающая сцена. Арестанты, закованные в тяжелые кандалы, связывающие их попарно, шли прямо на дно. Солдаты, отягченные ружьями и амуницией, барахтались в сумерках среди волн и, пытаясь спастись, хватались друг за друга, вырывались из чужих рук и, что страшнее всего, — топили друг друга. Именно так описывает Данте несчастных лентяев, которые отчаянно борются в мутных водах Стикса.

И я увидел, долгий взгляд вперяя,
Людей, погрязших в омуте реки;
Была свирепа их толпа нагая.
Они дрались не только в две руки,
Но головой, и грудью, и ногами,
Друг друга норovia изгрызть в клочки.

(Перевод М. Лозинского)

Такая же ужасная картина вставала в моем воображении, пока монах, сопровождавший меня из села, повествовал мне о прискорбном событии 1853 года, погрузив меня на паром, которым теперь отважно управляли четыре чернолицых и хмурых цыгана-арестанта. Бричку мы оставили на берегу и, пустившись в плавание по гладкому озеру, вскоре достигли острова, на котором расположен монастырь.

Сомнения по поводу основателей монастыря

Как только я вошел в главный монастырский двор, имеющий форму чуть удлиненного квадрата, за которым находился другой двор, предназначенный для арестантов, взор мой был сразу же привлечен большим храмом. Его бедственное состояние и позднейшие пристройки, тоже уже обветшавшие, не помешали мне узнать в нем памятник, чрезвычайно древний для нашей страны, который сохранился, — если есть чему сохраняться, — с незапамятных времен. Сложенный из красного кирпича, чередующегося с желтоватыми слоями раствора, смешанного с кирпичной крошкой, который в застывшем виде довольно хорошо имитирует известняк, храм поверх карниза, представляющего собой пояс из выступающих и отесанных по краям кирпичей, покрыт прогнившей в настоящее время дранкой, над которой высятся две многоугольные башенки, расположенные одна за другой вдоль храма.

Небольшие по объему, с вытянутыми узкими окнами, башенки эти обнаруживают свою принадлежность к византийскому стилю, не столь уже примитивного периода. Ниже карниза церковь, согласно широко распространенной на востоке в древние времена моде, украшена каннелюрами, вертикальными полукруглыми желобками, расположенными один возле другого и имеющими каждый посередине маленький византийский крест, выполненный в примитивном стиле из камня или кирпича. Общий план и внутренний вид храма выдают его принадлежность к эпохе XIII века и более позднего времени, когда архитектура восточных церквей стала изменяться под магометанским и венецианским воздействием, а возможно и под влиянием более северного климата Дунайских княжеств...

Церковь в Снагове выглядит несколько моложе. Она не имеет надписей, которые напоминали бы о ее древних основателях. Только над внутренней дверью, ведущей на

хоры, есть надпись на греческом языке о том, что в 1815 году при игумене Неофите был совершен мелкий ремонт. Однако традиция и летописи сохранили имя господаря Влада Цепеша¹ как первого основателя монастыря. Поэтому-то несчастный игумен, покойный Германо Бретиану в порыве рвения, следуя примеру археологов, отличающихся необузданной фантазией, корпорация которых стала у нас расти под покровительством общественного безразличия, так этот бедный игумен начертал наверху настенного портрета господаря Нягое Басараба², находящегося в церкви, следующую надпись, представляющую собою весьма комический и нелепый анахронизм: «Ио Михаил Воевода Цепеш Басараб четвертый господарь».

Бедный Нягое! Ты, самый мирный среди румынских господарей, ты, проживший всю жизнь в страхе божием по заветам твоего духовного отца святого патриарха Нифона³; ты, который оставил столь добродетельные поучения сыну своему Теодосию, который и теперь под своим настоящим именем фигурирует на настенной фреске в Снагове рядом с тобой; в чем ты, бедняга, провинился перед господом богом, за что невежественный археолог оскорбил тебя спустя триста с лишним лет кровавым именем Цепеша?

Эта грубейшая и унижительная ошибка могла бы найти хоть небольшое оправдание в чувстве признательности подлинному основателю святого монастыря! Так нет, Цепешу вовсе незаслуженно была присвоена честь именоваться основателем Снагова. За пятьдесят с лишним лет до его царствования, как гласят некоторые документы,

¹ Влад III Дракула, названный летописцами Цепеш (сажалец на кол), правил Страной Румынской в 1456—1462 гг. и в 1474-м, отличался невероятной жестокостью, легенды о которой распространились по всей Европе (легенды о Дракуле (Черте). Имеется и русский вариант — «Сказание о Дракуле». (Примеч. перев.)

² Басараб IV, Нягое — господарь Страны Румынской, правивший с 1512 по 1521 год. Прославился постройкой храма в Куртя-де-Арджеш и как автор «Поучений сыну моему Теодосию». (Примеч. перев.)

³ Нифон (1435—1508) — патриарх Константинополя, лишенный сана по обвинению в присвоении имущества своего предшественника, был приглашен господарем Раду в Страну Румынскую. Став там митрополитом, реорганизовал церковное управление. Не поладив с господарем, лишился сана, некоторое время жил у Нягое Басараба, который, став господарем, перевез с Афона останки своего друга и советника. (Примеч. перев.)

господарь Басараб, сын господаря Басараба Доброго¹, якобы воздвиг этот монастырь в первый год XV века. Так по крайней мере гласит грамота господаря Константина Шербана², прозванного Курносом, от 30 мая лета 1654. Но в указанное время, как известно, правил господарь Мирча Старый³, и он, хотя и происходил из рода Басарабов, был сыном господаря Раду и во всех своих грамотах никаким другим именем не именуется, как тем, каким он остался славен на все будущие времена. Таким образом явствует, что Снагов не был основан и вышеупомянутым Басарабом...

Если же этих доказательств недостаточно, когда достоверность письменных документов подвергается сомнению, — мы действительно должны признать, что изготовителей подложных грамот у нас было достаточно, — тогда другой, более солидный свидетель — серебряная драгоценная вещица, покрытая эмалью, хранящаяся уже века в монастыре Снагова, — может доказать нам, что попала она в эти стены гораздо раньше, чем Басараб или Цепеш успели положить в их основание хотя бы камень. Это панagia, или нагрудная икона, которую носят архиереи...

На выпуклой стороне ее изображена стоящая в рост божья мать, покровительница монастыря в Снагове; два ангела стоят рядом с ней и показывают вверх; возле нее много других лиц, вззирающих на небо. Над их головами парят два других ангела как раз под ногами господаря Иисуса Христа, поднимающегося ввысь, ибо вся картина носит название, выведенное наверху — «Вознесение господне». Обратная сторона не сохранилась, и там видны только следы гвоздиков, прикреплявших эмалевую пластинку. По краю выпуклой стороны, вокруг всей па-

¹ Басараб Добрый, или Басараб I, именованный также «Старый», «Великий», «Основатель», был первым господарем в 1315—1342 гг. образовавшегося княжества Страна Румынская (Валахия). (Примеч. перев.)

² Константин Шербан Басараб был по обычаю тех времен «мечен» Матеем Басарабом: ему был отрезан кончик носа, поскольку это было наказание за дерзость помыслов, и «меченые» таким способом люди не могли домогаться господарского престола. Однако Константин Шербан, прозванный «Курносом», правил Страной Румынской после смерти Матея в 1654—1658 гг. (Примеч. перев.)

³ Мирча Старый, правивший Страной Румынской в 1386—1418 гг., был выдающимся правителем, военачальником и дипломатом, которому удалось удержать наступление турецких войск Баязета на линии Дуная. (Примеч. перев.)

нагни видна славянская надпись, сделанная выпуклыми буквами, что было в румынской манере:

«Содеял эту панагию мастер Дрэгич для храма божия Винтилеск в дар монастырю в Снагове. В лето 6939, июня месяца, 7 дня» (т. е. в 1438 году после рождества Христова).

Этот ценный дар мастера Дрэгича, числящийся и сейчас в книге даров монастырю в Снагове и хранящийся спустя четыреста двадцать четыре года в разрушенном монастыре, интересен во многих отношениях. Образец искусства, достойный быть отмеченным среди разнообразных изделий, выполненных византийскими серебряных дел мастерами еще в начале XV века, панагия обнаруживает перед нами одновременно искусство резчика и гравера, и нам не хватает только прозрачной эмали, которую нужно закапать, следуя контурам орнамента, процарапанного иглой по металлу. Возможно, что это тонкое искусство не сразу исчезло в Константинополе, как только город был взят турками; возможно, что греческие мастера не сразу перебрались в Италию и другие, более далекие страны, ибо подобное же мастерство видим мы на весьма похожей панагии, подаренной баном Предой в 1521 году монастырю на Бистрице.

Но не только на вопросы, касающиеся византийского искусства и ремесла, отвечает иконка мастера Дрэгича, но и на вопросы более местного значения. Не будем добиваться от нее совершенно точного ответа: кто же все-таки был ее дарителем. Достаточно и того, что она поведала нам больше, чем летопись, чем грамоты, чем устная традиция, и сохранила его имя. Но панагия пробуждает и другие, куда более важные вопросы: она говорит нам, что божий храм, куда она была отдана на сохранение в качестве дара монастырю в Снагове, назывался храм Винтилеск.

Крестьяне по деревням того, кто сумеет из-под сороки яйцо вытащить так, что она не заметит, а сам слышит, как трава растет, называют ведунами и именуют — Винтилэ. А кто среди них такой раззява, что и в полдень угонит в канаву и солому между двумя ослами поделить не может, тот — дядя Влад, дядя Владицэ, грешная душа, который, если и заговорит, обязательно на сходке чего-нибудь да ляпнет, так что все набросятся на него и пойдут на смех:

Говорит дядя Влад,
Что и он богат!

А ведь при всем при том и смысленый Винтилэ, и злополучный Влад носят одно и то же имя. Если не верите мне, то спросите, пусть вам ответит господарь Пётр-рашку Добрый, который в господарской грамоте, писанной по-славянски и скрепленной государственной печатью, в аккурат говорит, что Винтилэ — воеводу из Слатины, по прозвищу «Доброго», именуют господарем Владом¹.

В зависимости от обстоятельств и времени имена собственные тоже приобретают особый смысл и разнообразные формы. Так, многие из наших давних господарей, которые носили это имя, означающее на славянском языке владение (владеть — владыка), именовались, если на страну в то время дул польский ветер, Владиславами, если же дул из Венгрии, то Лайошами, если же они уважали свое сербское происхождение, то Владами или Влайками, и, наконец, Винтилами, когда они сохраняли чисто румынскую форму этого имени. Из всего этого можно понять, перечитав еще раз надпись на иконке Дрэгича, что церковь Винтиляскэ в Снагове была воздвигнута до 1421 года одним из воевод по имени Влад; возможно, что тем, кто подарил монастырю четыре мельницы в Дриду на реке Яломице...

Ныне в Снагове нету строений более древних, чем церковь, стоящая посредине, и фундаменты монастырских стен. Все здания монастыря были разрушены и заменены в 1840 году помещениями и кельями, предназначенными для тюрьмы, а также для проживания монахов и чиновников. Однако по рассказам известно, что старая застройка имела две часовни. Это подтверждает и интересная книга, которой мы обязаны некоему монаху-арабу, путешествовавшему по нашей стране более двух веков тому назад. Действительно, во времена правления господаря Матея Басараба антиохийский патриарх Макарий отправился собирать пожертвования по христианским странам Восточной Европы. Он проехал по Стране Румынской, по Молдове, отправился в Московию и вернулся назад, опять сюда, где был свидетелем смерти Матея и возведения на трон Константина Шербана и всех печальных событий, связанных с возмущениями доробанцев и копейщиков дворцовой стражи при этих двух гос-

¹ Воевода Винтилэ из Слатины, или господарь Влад, или господарь Влад-Винтилэ, правил Страной Румынской между 1532 и 1535 годами. (Примеч. перев.)

подарях. С ним вместе путешествовал и его духовный сын, архидьякон Павел из Алеппо, который тщательно записывал все, что видел и слышал в этих чужих странах...

Павлу из Алеппо рассказывали, что монастырь был построен Миртайя воеводой (то есть Мирчей), Радзивилом воеводой (Раду), Мвасараба воеводой (Басарабом) и Петросом воеводой (Петру); но никто не упомянул о Владиславе, который по всем признакам воздвиг часовню Благовещений. Кто знает, в какие времена повальных пожаров и разрушений эта часовня, располагавшаяся в углу монастыря, как и в монастыре Козии, была опрокинута в воду разрушителями, и ее резные деревянные врата сами поплыли к берегу, чтобы увековечить память об основателе часовни и родить ту легенду, которую рассказал переправлявший меня на пароме монах.

Когда же, прочитав надпись, вырезанную на этих вратах, я повторил моему приятелю этот рассказ, дополнив его на этот раз традиционными замечаниями, которые по большей части он сам же мне и сообщил, то сколь я ни старался убедить его, что лишь повторять все сказанное им, бедный монах, остолбеневший от удивления, отвечал мне весьма характерной поговоркой: «Нет, сын мой! Далеко легавой до зайца!» Из всего сказанного следовало, что труднее всего ему было отказаться от твердого убеждения, что монастырь в Снагове заложил господарь Цепеш и ему принадлежат все вещи, хранящиеся с давних времен в монастыре. Хотя и не менее очевидно, что дары Винтилэ, Влайку или Влада Старого, господаря Дана, Басараба и Владислава, из коих самые старые преподнесены почти за столетие до Цепеша, непоколебимо свидетельствуют против устной традиции. Все, что можно допустить, так это то, что и этот господарь мог сделать какой-то вклад, принести свой дар, о котором вспоминает господарь Мирча, сын Раду-воеводы, в грамоте от 1558 года.

Цепеш, жестокий Цепеш, кажется, он тоже приносил свои дары Снагову, как это делал в Тисмане, Козии, Комане и других местах. Жестокий притеснитель, порой и он испытывал приливы набожности. Необузданный и кровожадный сегодня, завтра он ищет утешения в благочестивых дарах. Как все тираны, он верил, что смиренные дары могут вычеркнуть из Книги божественного провидения то проклятие, которое он заслужил другими деяниями, наводнившими мир бедою и ужасом. Возможно,

что, повторяя эту традиционную антитезу, летопись сохранила для нас сведения о том, что в Пойенарь, в долине Арджеша, воздвиг он на горной скале крепость, а в Снагове выстроил монастырь. Летопись повествует, что жители города Тырговиште, сильно разгневанные на жестокого правителя, оскорбили одного из его братьев. Был пасхальный день, и горожане, мужчины и женщины, веселились за праздничными столами, а по-праздничному разодетые юноши и девушки задорно отплясывали хору. Вдруг, как снег на голову, являются господарские слуги и окружают их со всех сторон. Борьба была неравной: безоружные горожане были застигнуты врасплох. Всех благородных людей и стариков слуги господаря Цепеша посадили на кол, окружив весь город этими страшными трофеями. Более милосердной, но не менее жестокой была судьба остальных людей: их вместе с женами и детьми, как они были в праздничных одеждах, согнали в одну кучу и погнали в горы, в Пойенарь, где они, бедные христиане, день и ночь трудились на строительстве крепости, пока одежда не порвалась на них и они не остались нагишом, в чем мать родила.

Руины крепости в их суровом запустении высятся и сейчас как памятник жестокой мести господаря и безмерным страданиям несчастных осужденных!

Подобные деяния, часто повторяясь, должны были пробуждать у Цепеша и угрызения совести, и, чтобы успокоить встревоженное сознание, он проявлял свою щедрость и в отношении благочестивого монастыря, что стоит одиноко посреди озера...

Еще многие господа и частные лица шли по этим стопам, чтобы увеличить богатства или подкрепить привилегии древнего храма. Но с XV века, можно сказать, закончилась эпоха, когда богатый и славный монастырь процветал под покровительством своих благоволенителей. Я собрал почти все воспоминания, сохранившиеся до сих пор о том периоде давнего великолепия, и не нахожу ничего лучшего, как заключить все это несколькими надгробными камнями.

Из всех погребений, какие были с древних времен в церкви монастыря Снагова, с десятков существует еще; все они громоздятся с правой стороны притвора перед дверью на хоры и вокруг четырехгранной пилатры, разделяющей северо-восточный угол, которая и несет на себе все надписи, более или менее разборчивые. Другие выщербленные плиты находятся в разных частях храма,

но кто может сказать, над чьими телами они воздвигнуты? Только одна, самая большая, что лежит прямо против царских врат у алтаря, хранит о себе легенду. Рассказывают — и, вероятно, это не выдумка, — что это была надгробная плита одного жестокого и своевольного господаря, то есть — по народной молве — Цепеша, который в Снагове, в покоях, выходящих на южную сторону, устроил нечто вроде камеры пыток, откуда осужденного, которого терзали огнем и железом, выбрасывали потом с помощью метательного снаряда, или баллисты, прямо в озеро. Когда ломали старые здания, исчезла и камера пыток, и метательный снаряд, но еще раньше, как рассказывают, митрополит Филарет, чье имя столь популярно в монастырях по всей стране, якобы приказал стесать буквы с камня на могиле презренного правителя, который создал такую ужасную машину, и положить этот камень на вечное погребение или ради спасения несчастной души под ноги священнику, когда тот выходит со святыми дарами. Испытывая те же самые чувства, покойный епископ Арджеша Илларион приказал в храме Куртя-де-Арджеш замазать изображение, приписываемое господарю Владу Цепешу, и на том месте изобразить благочестивого архиерея Иосифа, первого епископа в Арджеше и реставратора епископального храма...

III

Злая государыня и добрый господарь

Если теперь поднять глаза от могил и попытаться найти менее печальное зрелище, то фрески на церковных стенах сразу же перенесут в широкую область гипотез, касающихся и византийского искусства, и родной истории.

И действительно, внутренняя роспись храма обнаруживает такие разнообразные уровни мастерства, что каждый лик, каждая икона, каждая нарисованная деталь должны быть изучены с точки зрения, что же является древней византийской живописью в духе старинной шко-

лы Панселиноса¹, распространенной по преимуществу среди монастырей горы Афонской, а что представляет собой добавления, переделки, результаты подновления в эпоху упадка фресковой живописи, являясь, возможно, творчеством незадачливого реставратора церкви в 1815 году. Следует особо выделить святых, чьи фигуры больше натуральной величины, написаны на боковых и закругленных стенах на хорах и носят характерные признаки более древнего и более строгого искусства; схематичные позы этих фигур хранят следы уверенной кисти, глубоко проникнутой мистическими чувствами церковного искусства на востоке; одежда сохраняет древние формы и рисунок. Оставляя в стороне многие мелкие и характерные частности, из одежды нужно отметить стихари, покрытые пурпурными и золотыми крестами, какие были принадлежностью святых лиц, и шапку, оригинальной и совершенно средневековой формы, у святого Иакова Персидского. На всех этих иконах имеются имена святых, написанные по-славянски...

На правой стороне стены вдоль хор первой изображена фигура Нягое Басараба с его сыном, воеводой Теодосием. Хотя отец Германо Бретиану и начертал сверху историческую невообразимую нелепицу, о которой я уже упоминал, однако присутствие юного Теодосие и облик самого Нягое с золотистыми волосами, ниспадающими на грудь, закрученными книзу усами, фигурой соразмерной и спокойной, не оставляют никаких сомнений по поводу того, кто же изображен на портрете. Рядом с ним стоит господарь Мирча, и оба они, как ктиторы, держат на ладони церковь. Одежда этого Мирчи не узкая, рыцарская, как у Мирчи Старого на его портретах в храмах Козии и Куртя-де-Арджеш, это просторная восточная одежда: длинный кафтан из шерстяной ткани с меховым воротником, такой же, какие носили наши князья в XVI и последующих веках. Следовательно, этот Мирча вовсе не «Старый», а возможно, Мирча Чобану, сын Михни, что, кажется, и доказывают последующие портреты.

С левой стороны от двери возвышается господарь Петру. В одной руке он держит красный платок с шитьем по краям, а в другой — крест с тремя крестовинами (большая посредине, две другие, поменьше, сверху и снизу). Возле него стоит юноша — господарь Раду, далее другой юноша с еще более тонким станом — Мирча

¹ Манаил Панселинос — греческий монах-художник.

воевода. Наконец, с самого края, разрезанная на части боковой дверью, что ведет из притвора на хоры, высится фигура государыни Кяжны. Как и другие правители, она изображена в высокой золотой короне на голове с тем лишь отличием, что ее корона не завершается шишечками, как короны правителей-мужчин. В левой руке у нее красная шаль с бахромою, а в правой тройной крест, как и у господаря Петру...

Документы не сохранили каких-либо упоминаний о том, чтобы Нягое Басараб, Мирча Чобану или его сын Петру производили ремонт монастыря или украшали бы его. Лишь господарь Влад, который утонул, купаясь, в Дымбовице, возле Попешть, оказался единственным в те времена человеком, который, как гласит грамота 1530 года, осмотрев монастыри в Снагове и Тынгане, «оставшиеся без надзора и оскудевшие, взял их под покровительство и заботился о них, насколько на то была возможность его величества, никого к тому не принуждая, а только от себя и от своего имущества даровал надел в Гырла Лунга, чтобы было и ему и родителям его вечное поминовение до той поры, как будут стоять эти святые монастыри, и был записан он в святую проскомидию и святой поминальник, чтобы поминали его со святыми ктиторами при всех возглашениях в церкви, а по истечении жизни его, чтобы целый год каждый день по вечерам была заупокойная служба с кутьею и окроплением вином, а утром опять с поминальной кутьею и окроплением вином».

Подобные ктиторские привилегии ничего не говорят нам теперь, если ими и обладали благодаря богатым дарам или вкладам Нягое Басараб, Мирча Чобану и весьма сомнительная семейка государыни Кяжны и господаря Петру, дважды изображенных на церковных стенах. Поэтому тщетно стали бы мы тратить силы, чтобы осветить вопрос, по поводу которого нет никаких твердых данных.

Куда легче и, возможно, куда более полезно попытаться дополнить одеяние государыни Кяжны, фигура которой от груди и ниже совсем осыпалась, ибо эта часть нарисована как раз на открывающейся двери.

Никакой журнал мод не оставил нам образцов изящных украшений, какими элегантные наши княжны и барышни минувших веков оттеняли их естественные прелести; ни один любезный певец из местных, трубадур былых времен не догадался оставить описание их талий,

столь гибких под блестящими одеждами; ни один влюбленный художник давно прошедшей эпохи не сделал беглого наброска со своей возлюбленной, облаченной в платье того времени. Вынужденные обращаться к скудным и малопривлекательным источникам, к спискам приданого, заплесневевшим и почерневшим, мы заранее просим прощения у той редкой румынской читательницы, которая возьмет в руки эти странички, посвященные археологии одеяний. Мне бы хотелось изобразить в самых привлекательных красках ту суровую и торжественную грацию, которая запечатлена в прямых и правильных линиях старинной длинной одежды; мне бы хотелось воссоздать в достоянии того слова приятное впечатление, кое производит созерцание богатого рисунка тяжелых материй и изящных форм, какими обладали некогда массивные украшения из золота, эмали и драгоценных камней. Посмотрите, к примеру, с какой гармоничной роскошью одеты княжны, изображенные в епископальной церкви в Куртя-де-Арджеш, где более тщательно выписанные фрески сохранили до тонкостей костюмы XV и XVI веков.

На женщине той эпохи одета рубашка или, как теперь говорят, кофта из тонкого полотна, вдоль рукавов покрытая золотым шитьем и красиво подобранной цветной вышивкой, рука скрывается в пышных складках, а рукав заканчивается расшитым обшлагом; плечи у нее богато украшены золотыми блестящими, а шейный вырез окаймляет широкий позумент в несколько рядов, похожий на золотые браслеты. Поверх надет красный сарафан, расшитый сверху донизу, с круглым вырезом на груди, которая стянута лифом со сборчатой каймой и маленьким красным стоячим воротничком; юбка в складку, узкая, из двух кусков, которые сшиты между собою выше колен, как и до сих пор выглядят запаски и паневы, какие шьют себе румынские крестьянки. На груди же украшение, какое давно уже не входит в национальный костюм,— это вышитый золотыми нитями полукруг, который держится на широких, тоже из золотых нитей, лентах, которые поднимаются вверх как проймы и спускаются под широкий из крученого шелка пояс, несколько раз обернутый вокруг талии. Поверх этой одежды надет дорогой парчовый кафтан с меховым воротничком, с галунами и золотыми пуговицами или застежками на груди и вдоль полы. Место рукавов обозначено меховой опушкой, а поверх кафтана, на плечах и

подмышками, нашиты золотые украшения в виде шариков. Подол кафтана во многих местах украшен вышивкой и широким позументом, а из-под него выглядывает ножка, обутая в красный сафьяновый сапожок с загнутым кверху носком.

На головах короны — ведь как-никак это головы цариц, но короны эти фиктивные, условные, ибо невозможно поверить, что когда-либо на милой женской головке, будь она даже коронованной, носили эти широкие и нескладные корзинки, выполненные из дорогого металла и драгоценных камней. Обычное головное украшение богатых женщин тех времен описывает боярышня Рада, дочь конюшего Барбу, когда в 1565 году дарит для иконы Пречистой Богоматери в Снагове «женское головное украшение, кокошником именуемое, из парчи с золотым шитьем и жемчугами содеянное».

Помимо этого парчового кокошника, который, конечно, украшал голову, боярышни былых времен носили также прикрепленные к волосам, обрамлявшим их лица, длинные подвески, как это видно на многочисленных церковных портретах той эпохи. Украшение подобного рода хранится в раке святой Филотеи в господарском храме в Куртя-де-Арджеш; главная же ценность этих подвесок заключается в старинной форме, поскольку материалы, из которых они сделаны, цены весьма невысокой, и свидетельствуют только, что принадлежали они женщине совсем небогатой. Вот как они сделаны: два овальных плоских сердолика разной величины, разделенные между собой двумя маленькими спаренными сапфирами, — все это в округлой серебряной оправе образует нечто вроде сережки, к которой прикреплено шесть длинных серебряных цепочек с квадратными звеньями. Такая же цепочка, только более длинная и предназначенная, чтобы ее перебрасывать через голову или пропускать под подбородком, соединяет две подвески, которые на концах имеют по крючку и, прикрепленные к волосам, свешиваются до самой груди. Стоит вообразить вместо этих дешевых поделок великолепные золотые аграфы с сияющими драгоценными камнями, а вместо грубых и реденьких серебряных цепочек — густую золотую канитель или тончайшие венецианские цепочки, и мы получим полное представление о тех украшениях, которые, словно золотые локоны, обрамляют нежные лица наших княжен на портретах, запечатленных на монастырских стенах.

...Однако мы забыли, что повели речь о государыне

Кяжне, женщине весьма энергичной, к тому же интриганке, для которой время, вне всякого сомнения, было необычайно дорого, чтобы тратить его на наряды и украшения.

Я попытался несколько лет тому назад представить характер этой государыни, женщины жестокой, отважной и самолюбивой. Возможно, что тогда, в своей исторической новелле, я несколько огрубил черты этого портрета, но летописи и донесения чужеземных послов в Константинополе подтверждают и отвагу, и хитроумные происки государыни Кяжны, или Цезарины. Вдова господаря, она сумела с помощью денежных даров, протекций, двуличных военных действий посадить поочередно на престол обоих своих сыновей, Петру и Александру. Она научилась у своего супруга, господаря Мирчи Чобану, не пренебрегать никакой жестокостью ради достижения единственной цели всего их рода — трона. Об обычной бесчеловечности семейства Михни Жестокоего свидетельствуют и пять надгробных плит в храме, в Снагове, воздвигнутых над прахом пяти жертв этого семейства.

В те времена, когда Мирча Чобану после убийства его отца в Сибиу скитался по соседним странам и искал возможности вернуть себе любыми средствами трон, отобранный у его рода другими господарями из рода Басарабов или Кэлугэрешть, жил в Стране Румынской боярин, постельничий Драгомир, у которого от жены его, Магды, было четверо сыновей: Удря, Раду, Барбу и Крача. Как и большинству бояр того времени, юному Удре вовсе были не по душе притязания Мирчи, осуществившиеся впервые в 1550 году. Но вот бразды правления оказались в кровавых руках сына Михни. Какие кары, замышлявшиеся среди бедствий изгнания, угрожали потомкам тех, кто свергнул с престола его отца! Какие алчные планы вынашивал новый господарь, чтобы избавиться от нищеты, которая столько лет преследовала его в чужих странах!

Дурные предчувствия не заставили себя ждать. Не прошло и двух недель, как новый господарь сел на трон, а он уже распорядился казнить ворника Коадэ и брата его, конюшего Раду, стольника Драгула и спэтаря Строе, конюшего Винтилэ и многих других бояр, позаботившись прежде всего узнать, какое за ними числится богатство, чтобы присвоить все их имущество. Но некоторые бояре, а среди них и Удре, сын постельничего Драгомира, прослышав про намерения Мирчи, заранее бежали в Ардял,

ища там спасения и помощи, чтобы свергнуть ненавистного господаря. Однако прошло года два, прежде чем они смогли собрать хоть небольшое войско, с которым наконец-то осенью 1551 года и вторглись в Страну Румынскую. Мирча, получив известие о побуждениях беглецов, бросился им навстречу с войском и в верховьях реки Праховы встретился с ними у села Периш, сразился с ними и разбил их наголову. Кому суждено было еще продлить свои дни, тот бежал восвояси, большинство же полегло на месте, а среди плененных оказался и Удре, или вистьерул (казначей) Удриште, которого господарь в день, какжется, 12 ноября лета 1551 и казнил в селе Ончешть.

Тело его было привезено в Снагов, и на плите, прикрывшей его, читаем славянскую надпись, которая гласит:

«Убит был боярин Удря господарем Мирчей в селе Ончешть. Был он сыном постельничего Драгомира и жены его, боярыни Магды. В лето 7060, ноября месяца, 14 дня».

Бедная мать, как видно, уже вдова к тому времени, после этой новой потери отказалась от тихих радостей домашнего довольства и, погрузившись в горе, постриглась в монахини, переименовав имя Магда на Ефросинья. Не знала еще несчастная мать, что куда более жестокие испытания ожидают ее чувствительное сердце!

И действительно, младшие сыновья ее возмужали вместе с сыновьями убийцы их старшего брата, соответственно поднялась и ненависть в душе каждого из них. Со своей стороны государыня Кяжна, рачительная опекунша своих венценосных сыновей, питала в груди своей неукротимый дух мести, который окутывал царствование всего этого рода, начиная от Михни Жестокого до Михни Грека, словно мантия, выполосканная в румынской крови.

После многочисленных жалоб со стороны бояр на Петру Хромого, первого престолонаследника после Мирчи, от которых Кяжна с помощью интриг смогла уклониться, Порта, чтобы примирить или же обозлить всех разом, передала правление 3 мая 1569 года Александру, младшему брату Петру. Столь юный господарь подавал надежды, что его правление будет мирным и благоприятным для добрых дел. Но, как часто это бывает, вся страна и бояре-изгнанники вместе с нею жестоко ошиблись в своих ожиданиях. Все со всех сторон поспешили съехаться, чтобы поклониться новому правителю. Из сосед-

них княжеств один за другим являлись исконные бояре, многие годы не видавшие родимой земли, с мыслью, что наконец-то обретут спокойную жизнь у прадедовских очагов. Уставшие от ненависти и невзгод, все они, каза-лось, предали забвению минувшие беды и распри.

Но среди этого всеобщего братания, жестокость и подозрительность правящей фамилии тайком следила за всем, прикрывшись двуличием. С лукавой улыбкой высматривала эта жестокость свои жертвы среди собравшихся вокруг. Наконец в день 1 сентября 1569 года план, тайно выношенный в господарском дворце, стал явным, превратившись в грандиозную резню. Все бояре в городе Бухаресте, известные или подозреваемые как давние враги правящей фамилии, были схвачены господарскими слугами и обезглавлены, а головы их сложены в кучу, такую же, как в это же время воздвиг в Молдове Александру Лэпушняну... Среди них был, как известно, стольник Раду, а к нему стоит прибавить и его братьев, Барбу и Крачу, сыновей постельничего Драгомира.

Бездыханные трупы всех троих несчастных мать, монахиня Ефросинья, перевезла в монастырь Снагов и на могильных плитах, необычных по форме и по величине, повелела начертать:

«Убиен был боярин Раду, стольник, господарем Александру, а был он сыном постельничего Драгомира, а мать ему монахиня Ефросинья. В лето 7078, сентября месяца, 4 дня».

«Убиен был боярин Барбу господарем Александру во граде Бухаресте, а был он сыном постельничего Драгомира, мать же ему монахиня Ефросинья. Месяц сентябрь, 4 дня, в лето 7078».

«Убит был боярин Крача господарем Александру в Бухаресте, а был он сыном постельничего Драгомира, матерью ему была монахиня Ефросинья. В лето 7078»¹.

Несчастливая мать не имела сил, чтобы жить дольше после того, как она увидела четыре могильные плиты, положенные рядом, над ее сыновьями. Поверженная несчастным и безграничным страданием, она нашла себе скромное место рядом со своими несчастными детьми и почилла вечным сном под узкой плитой, ныне расколотой пополам, на которой видна следующая, полная произвольной боли надпись:

¹ Все надгробные надписи в Снагове, которые я привожу, написаны на славянском языке.

«Успокоилась раба божия, монахиня Ефросинья, после смерти четырех своих сыновей, которые были зарезаны. Вечная память! Многострадальная мать до самой смерти!»

На этом расколоте камне и на четырех, упоминавшихся выше плитах, уложенных в ряд в храме в Снагове, можно прочесть, таким образом, чрезвычайно интересную и трогательную драму, которая была бы предана полному забвению, не найди я ее запечатленной на этих надгробиях. Значит, древние памятники доносят до нас из минувших времен отзвуки славы или горя. Они часто служат для нас поучениями, полными глубокой философии, побуждая увидеть, как время стирает и утоляет всяческие земные страсти. Стоит посмотреть, как в храме Снагова даже самые кровавые распри утихли в объятиях смерти! Государыня Кяжна со своим семейством смотрит там со стены, спокойно и ласково, на могилы своих врагов, и ни жена, ни сыновья постельничего Драгомира больше не поднимут карающую руку на убийцу!

Поскольку воссоздание столь трагических сцен задержало нас на некоторое время в некрополе храма, куда заглянули мы, так уж постоим еще несколько минут над тремя оставшимися погребениями, чтобы всем им воздать должное.

Одна могила — митрополита Серафима, бывшего папством при государе Михне Отуреченном и, возможно, при Петру, по прозвищу Серьга. При втором правлении Михни, как показывают документы в Снагове, он уже перешел в этот монастырь, заняв место настоятеля. Надпись на камне почти стерта, и прочесть можно только следующее:

«Усоп раб... преосвященный, архимитрополит Серафим во дни... Михни вое... в лето 7098 (?)»

Другая могила относит нас во времена господаря Михая Храброго¹, ко второму году его правления (1594), когда, как известно, ему пришлось подавить возмущение бояр, во главе которых стоял бан Манта. Был он милосерден к большинству людей, однако могло случаться, что милосердие его угасало перед лицом предательства. Да простит нас бог, если мы несправедливо обвиняем

¹ Михаил Храбрый — государь Страны Румынской в годы 1593—1601, дальновидный политик, талантливый полководец, первым, правда ненадолго, объединивший все земли, исконно заселенные румынами. (Примеч. перев.)

стольника Диму, на грубо отесанном надгробном камне которого можно еще прочесть:

«Убит был боярин Дима, бывший стольник... Михай господарь. В лето 7103, ноября месяца, 28 дня».

И наконец, десятая и последняя могила в Снагове имеет большой камень, на котором вокруг читается следующее:

«Усопший раб... логофет Стойка из села Крэчиань в дни благочестивого и Христом возлюбленного господаря Александру, сына господаря Раду, и смерть принявший в дни господаря Александру сына Илиаша воеводы. В лето 7136 (1628), месяц июнь, 7 дня».

Об этом мы ничего не можем сказать сверх того, что гласит эпитафия. Возможно, принадлежал он к людям, что в свои времена были значительными и могущественными, их уважали, прославляли, даже любили, пока они были живы, но стоило им умереть, как после того, как им воздвигли пышные надгробия, имена их исчезли из памяти, и люди, избавившись от их личного воздействия, поняли тогда, что репутация их была ложной, что дела их жизни ничего не значат ни для славы, ни для будущих времен!

Однако эта могила, которая молчит о славе своего хозяина, напоминает нам о трех государях, коим страна обязана куда больше, чем просто злом. Раду Михня, Александру Коконул и Александру Илиаш — это, действительно, те господа, при которых впервые греческое влияние начало угнетать румынские княжества. Тогда впервые стал ощутим смысл слов правителя-пророка, бессмертного Матея Басараба¹, который о подобном состоянии страны сказал так: «Господи! Явились чужеземцы в дом наш и осквернили руки свои подкупам и дерзнули они разбазаривать и проживать все, что свято для тебя, теснить их сконных жителей, и в дела, и труды их совать свой чужеродный нос, постылое они отребье и зловоние соседей наших!»

И действительно, эти господа, румыны по рождению, но воспитанные в Фанаре, собрали вокруг себя всяческих чужеземных пришельцев; они отдали в их руки управление всеми областями страны, им вручили все источники обогащения, им подчинили все румынские мо-

¹ Матей Басараб — государь Страны Румынской в 1632—1654 годах, занявший престол в результате возмущения румынского боярства ставленниками Порты из греческих родов. (Примеч. перев.)

настыри. Тогда древнейшие святые места оказались в руках греческих ростовщиков, а святые дары и подношения ктиторов оказались попранными ногами монахов-чужеземцев.

Снагов тоже имел несчастье оказаться перед этим тяжким испытанием судьбы. Его стены, гордые своей вековой неприступностью, пали перед настоятелем-греком, а богатейшие уголья стали приносить доход в пользу греческих монастырей, расположенных на турецкой земле.

Просто удивительно, какими хитроумными способами достигли этой цели жадные монахи-чужеземцы.

Еще во времена правления господаря Александру, прозванного Коконем, то есть мальчиком¹, один монах-грек, по имени кир Партение, бывший некогда епископом в Преспоне, покинул свой нищий епископат в Турции и явился в Страну Румынскую, где с удовольствием стал игуменом богатого Снаговского монастыря. Видит бог, что он был рачительным хозяином, проявляя прилежание во всех добрых и полезных для монастыря делах. Но каким бы порядочным и усердным он ни был, все же природный инстинкт тянул его поближе к родной стороне. Он сговорился со своими братьями из афонских святых мест, из монастыря Пантократа, — построенного императорами Комнинами и переделанного румынскими боярами Басарабами. В результате в 1638 году несколько тамошних монахов явились в Страну Румынскую с просьбой к господарю подарить им монастырь в Снагове, то есть передать его в подчинение монастырю Пантократа. Новый господарь, Александру Илиаш, не дерзнул, как это делали до него, убогатить эту просьбу, а, собрав всех сиятельных своих советников, задал им вопрос: «Подчинимся ли? Или оставим так, как, согласно давнему обычаю, оно и есть?» Совет ответил: «Поскольку некогда ранее монастырь этот, Снаговым названный, в подчинении не был, так пусть он остается при своем собственном управлении, как было установлено его самыми первыми попечителями, кои воздвигли его таким, каким он неизменно и стоит». Возмущенные бояре еще добавили на совете: «Довольно господари и правители жертвовали и отдавали в послушание румынских монастырей иноземным монастырям, которые никаких прав

¹ Вступил на престол 12-ти лет, получил прозвище «Кокон». Правил с 1623 по 1627 год. (Примеч. перев.)

на владение оными не имели! Пусть хотя бы этот будет в покое, избавлен от недостойного подчинения! Пусть удовольствуются святые места на Афоне, да и другие вместе с ними теми дарами и вкладами, коими облагодетельствовали их ранее другие господари! Снагов же, решаем мы, пусть да пребудет в изначальном управлении и подчинении никаким отныне и вовеки веков связан не будет!»

Однако это благородное и достойное решение не могло искоренить из сердец мудрых советников сострадания. Жалость часто обманывала румын. Смирение и достоинство епископа Партения настолько превозносились всеми, что все бояре в стране просили господаря оставить его навечно игуменом монастыря в Снагове, «на все дни его жизни, а после его смерти не сажать уже в этот монастырь чужеземных монахов настоятелями и игуменами», а только тех, кои будут избраны монашеским собором.

Все это мы находим в подробном изложении в весьма значительной грамоте, подписанной в Бухаресте 6 марта 1628 (7136) года господарем Александру Илиашем. Этот прекрасный документ, написанный на пергаменте мелким уставом с многоцветными и довольно изящными заставками, среди которых и изображение герба Страны Румынской в окружении лаврового венца, составлен на славянском языке в возвышенном и изящном стиле знаменитым книжником Удриште, или Орестом Нэстурелом¹, учившимся в Киеве, чья сестра Елена была замужем за знаменитым Матеем Басарабом, в те времена именовавшимся — ага Матей из Брынковень. Грамота эта выразительно изображает все страхи, которые вызывало у местного боярства упорное и опасное проникновение чужеземных священнослужителей, те страхи, которые впоследствии полностью оправдались. На примере Снагова особенно ясно видно, что этим пришельцам стоило дать малейшую потачку, как за короткое время они становились полными хозяевами в любом месте, куда прибывали или силой, или хитростью.

Но уничтожение местных монастырей еще в те времена вызвало энергичное и справедливое негодование со стороны господаря, преисполненного патриотическими

¹ Удриште Нэстурел (ок. 1596 — ок. 1658) — книжник, автор стихов и переводчик. Исполнял различные должности при дворе Матея Басараба. Считается одним из провозвестников румынского просветительства. (Примеч. перев.)

чувствами и доблестями. Матей Басараб, мечом проложивший путь к трону, видя подобное бедствие, созвал собор, составленный из клира, крупных и мелких бояр, «советников, наместников, судей и мастеров всех ремесел», и поручил ему проверить всех людей, чуждых стране «не по святому закону, а по роду, по языку и дурным обычаям, то есть греков, кои... попрали обычаи монастырей и устав ктиторов, древних и узаконенных настоятелей». В конце концов Матей Басараб собственной властью и властью собора восстановил монастыри в их законных правах. Отрывок из грамоты, составленной в Тырговиште 27 ноября 1640 года и цитированной выше, с ее суровым красноречием и сдержанным прадедовским стилем, более явственно обнаружит все величие этого подлинно национального акта. Вот что гласит грамота:

«Мы, кои есть выше титулованные, воевода Матей Басараб, пред собором вся страны по единодушию и воле собора так устанавливаем: поелику эти святые господарские лавры, кои отданы иными господами и чужеземными владыками за мзду без согласия и ведома народа в оброчное подчинение другим монастырям земли греческой, на Святой Горе и в других местах, иже таковы монастыри: Тисмана, Арджеш, Козия, Говора, Котмяна, Езер, Гура Мотрулуй, Брэдет, Дял, Главачок, Снагов, Бистрица, Мисля, Тынган, Болентин, Поток, Рынкэчов, Валя, Менедек и другие, пусть все они живут в мире от чужеземных монахов, к коим отданы были за ихнюю мзду, и пусть пребывают те монастыри свободными и живут по тем правилам и канонам, каковые узаконили их основоположники и ктитору, и пусть они будут под покровительством родной страны, как то от века и было...»

О, Матей Басараб! Какое глубокое уважение проявил ты к румынскому народу. Ты и сейчас из тьмы времен подаешь нам пример, как нужно защищать и возвращать отобранные у него права!..

Отважный в сражениях, искусный в политике, всегда занятый заботами страны, Матей, этот великий герой во всем, не пренебрегал ни малейшей возможностью, чтобы поддержать среди своих соотечественников мир и справедливость. Приходил ли кто-нибудь с жалобой на вероломного соседа или обидчика, он не отталкивал его от себя, не оставлял обиду в сердце, а тут же, на глазах у враждующих, воздавал каждому по заслугам. Не был он сильно грамотным, не говорил на других языках, кро-

ме языка родной страны, но слово его было словом здоровым, а когда он брал в руки перо, то оно становилось таким же острым, как меч.

Щедрый ко всем румынским монастырям, он подтвердил права Снагова на таможенную пошлину при переправе в Спанцове, дарованную монастырю господарем Басарабом, положив отцу-настоятелю взимать сбор «с десяти рыб одну рыбину, с десяти денег одну денежку, а с каждой телеги с мукой по мере». Однако таможенник Васо сунул господареву грамоту за пазуху и не пожелал давать монахам того, что им положено. Тогда в один прекрасный день встал отец Игнатий и отправился к господарскому двору с жалобой. Матей, услышав, что там такое происходит, распалился от гнева, позвал писмоводителя и приказал ему писать. Дьяк привстал на одно колено, развернул длинный свиток, отстегнул от пояса чернильницу, отточил перо тростниковое и под диктовку господара написал:

«Милостию божией я, Матей Басараб, воевода и господарь.

Пишет мое величество тебе, Васо таможенник: что за свинья собачья ты есть, поелику на грамоты мои не ведешь ухом. Изготовило мое величество грамоту настоятелю Снаговскому, чтобы получал он мыто на своем месте в Спанцове, как закон повелевает и обычай, а ты, ведьмичий сын, на мои грамоты господарские и смотреть не хочешь. Попробуй содейть не так, как повелевает обычай, пришлет мое величество повеление повесить тебя. Это тебе писано и самим моим величеством говорено в октябре, 24 дня, в лето 7152».

Господарь Матей подписался, а дьяк приложил рядом киноварную царскую печать. Письмо было вручено игумену Игнатию, и тут уж попробуй, Васо, не исполни приказания.

Современное чувство приличия заставило нас в этом любопытном документе национальной дипломатии, до сих хранящемся в Снагове, смягчить один из эпитетов, чересчур сильный для нас, людей цивилизованных, но древняя румынская проза схожа с латинскими стихами тем, что

В звонком стихе стыд латыни неведом¹.

¹ Строка из «Поэтического искусства» Никола Буало (1636—1711) — французского поэта, теоретика классицизма. (Примеч. перев.)

И действительно, у того, кто писал подобной прозой, в жилах текла густая романская кровь. Если Матей Басараб не был единственным героем Страны Румынской, то воистину был самым великим ее правителем, умевшим объединить силу оборонительного оружия с заботой о процветании и внутреннем порядке. Сколько раз я ни поднимался на гору Арноту, где мраморная плита над его могилой укрыта в скромной часовне, избранной им самим как последнее прибежище, я всегда ощущал то благочестивое удовлетворение, какое вдохновляет верующих на путешествия к святым местам. Однако зачем это нужно пересекать горы и холмы, взбираться на дикие скалы, чтобы отыскать плиту, связанную с такими славными воспоминаниями! Не было бы лучше, если бы наш народ более наглядно выразил свою признательность таким знаменитым мужам, как Мирча Старый, Стефан Великий, Михай Храбрый, Матей Басараб?.. Они герои нашей страны! Им нужно воздвигать памятники!

IV

Поэзия былого и поэзия съестного

Исчислительная обязанность потомков — будить память о величии прошлого. Это увлекательнейшая работа для человека, любящего свою страну, — отыскивать под нагромождением времен деяния и восстанавливать условия жизни тех, кто некогда с честью нес обязанности, возложенные на него народными судьбами. Такому человеку чрезвычайно приятно в любом уголке земли обнаружить тени некогда живших славных мужей, радовавшихся там или страдавших, и еще более приятно погрузиться в лицезрение памятников и предметов, бывших свидетелями деяний и сражений, и переживание чувств, вызванных ими.

Так перенесемся же мысленно в 1662 год, когда стены монастыря в Снагове еще сохраняли свой первозданный

вид. Ночь с субботы на воскресенье 20 декабря. В одной из часовен, которые еще существовали в те времена, стоит на коленях высокий дородный старец. Его плешивая голова, склоненная перед иконами, отягчена глубокими и набожными размышлениями. Кажется, что он молится как христианин, ожидающий своего последнего часа. При свете лампадки в резких чертах его смуглого лица можно угадать характерный греческий тип. Это старый постельничий Константин Кантакузино, который более тридцати лет назад приехал из Константинополя, укоренился здесь, взяв в жены Илинку Басараб, последнюю наследницу из старинной господарской семьи, и воспылал любовью и болью к этой стране, как немногие из ее исконных жителей. В 1660 году, когда турки задумали превратить княжество в пашалык, то есть в свою провинцию, он спас его от полного рабства. Он тогда хлопотал, чтобы на престол посадили юного Григорашку Гику, которого обещал до конца его жизни избавить от всяческих забот и тревожений. И вот теперь, пустив в ход хитрые происки, два смертельных врага постельничего, а именно — ворник Строе Леурдяну и эконома Думитру, объединились с женою Григорашку Марией, чтобы погубить могущественного старца, который, даже удалившись от дел в свое имение в Прахове, предотвращал их грабительские и захватнические поползновения. Неразумный господарь отдал его на волю заговорщиков, и вот благородного старца неожиданно исхищают из лона родной семьи и под стражей привозят в Снагов, где он в молитвах ожидает теперь, когда же пробьет его смертный час.

На другой день утром постельничий с той же благоговейной сдержанностью присутствовал на литургии в главном соборе. Сколько черных мыслей о тяжелых временах, уготованных стране, одолевало его, какая отеческая забота о многочисленном семействе владела в те минуты сердцем старого боярина. Сколько глубоких и тяжелых вздыханий сливались воедино с умиротворяющим псалмопением под сводами древнего храма! По окончании службы почетный пленник твердым шагом прошествовал к алтарным вратам, где и принял святое причастие в ясном сознании своей невинности перед богом. В пятом часу его повели в трапезную монастыря. Палачи привязали его к одному из столбов и опутали веревкой так, что он не мог шевельнуться. Потом захлестнули его веревкой шею и голову, сделав виток через глаз, и так,

прикручивая несчастную жертву виток за витком к столбу, вконец задушили его...

Когда освободили от веревок бездыханный иссиня-багровый труп, жене и детям усопшего было приказано явиться и забрать его. Погруженное в глубокое горе семейство перевезло останки своего отца в монастырь в Мэрджэнень, где и похоронило его. По этому поводу в летописи говорится: «Вся страна оплакивала постельничего Константина, ибо народ потерял опору великую, подпиравшую все нужды государственные; оплакивали и бедняки, потому как потеряли сострадание, оплакивали его и нехристи, и христиане по всем странам, где знали его и где не знали его, а только имя его слышали, оплакивали за разом великий и за добро, повсюду творимое».

Нашим намерением вовсе не было рассказывать про деятельную и бурную жизнь постельничего Константина Кантакузино. После многих выдающихся литераторов, обращавшихся к этой захватывающей драме, было бы непростительной претензией с нашей стороны пытаться излагать ее подробно. Незабвенный наш историк Николае Бэлческу¹ еще в 1845 году составил его интересное жизнеописание. В прекрасной монографии, опубликованной им тогда в журнале «Магазинул историк пентру Дачия» («Исторический журнал для Дакии») и написанной в том сдержанном, но выразительном и ярком стиле, какой характерен для его мастерского пера, после того как кратко излагаются достохвальные деяния и описывается ужасающая смерть достойного боярина, имеется нижеследующее заключение по поводу роковых последствий его бесчеловечного убийства:

«Смерть Кантакузино имела пагубные последствия для нашей страны. Его сыновья, желая реабилитировать его память и отомстить за него, дали повод к тому, что все бояре разделились на две партии, которые принялись терзать страну и привели ее в ужасающее состояние. В январе 1665 года Григорие Гика бежал в немецкие земли, а Константин, третий сын постельничего Кантакузино, бросился за ним вдогонку. Тщетно попытавшись предать Гику суду при австрийском дворе, Константин настигает его в Венеции, где получает от него грамоту,

¹ Николае Бэлческу (1819—1852) — румынский революционный демократ, вождь радикального крыла в революционном правительстве 1848 года, оставил серию исторических исследований. (Примеч. перев.)

в которой Гика, проклиная Леурдяну, свидетельствует о том, что тот подстрекал его на преступление, а также и три собственноручных письма Леурдяну к конюшему Константину Вэрзару, написанных в те времена, когда конюший находился в лагере при господаре, а каймакам (наместник) Леурдяну был тем, через кого он изо всех сил старался воздействовать на господаря, чтобы тот убил Кантакузино. С другой стороны, братья Кантакузино, оставшиеся в Стране Румынской, добились от Земского собора письменного подтверждения невиновности их отца, под которым можно видеть и подпись Леурдяну, и еще другую, патриарха из Константинополя, и подпись от синода. С этими документами и добытыми письмами, а также с еще одной грамотой от последующего патриарха Константинополя, Мефодия, братья обратились к господарю Раду Леону, который к тому времени сел на трон, с просьбой отдать под суд Леурдяну. Но господарь настолько не любил их, что, несмотря на все настояния братьев Кантакузино, предпочел поссориться с оппозиционной партией. Поэтому братья ничего на этот раз не добились, кроме грамоты от государя, который тоже подтверждал невиновность их отца. В том же, 1669 году, господарь Раду Леон был низложен, и на престол вступил ворник Антоние из Попешть уезда Прахова. Братьям Кантакузино еще раз представился случай обратиться с прошением к господарю. Жалоба их была принята, и вынесено решение отдать Леурдяну на суд Земского собора, который по древнему нашему уложению имел право судить за чрезвычайные и государственные преступления точно так же, как и теперешние палаты пэров во Франции и Англии. Вследствие этого и собрался Земский собор на большой совет на пасху, 20 апреля 1669 года. По обычаю, сошлись на него митрополит, епископы, настоятели монастырей, все крупные и мелкие бояре и множество народу. В первую очередь к Собору обратился митрополит, побуждая всех, кто знает суть преступления, засвидетельствовать истину. Леурдяну с самого начала все отрицал. Когда ему показали письмо господаря Гики, где говорилось, что он виноват, он отвечал, что господарь Гика был волен писать все, что ему угодно, он же сам ничего не ведает. Когда же братья Кантакузино извлекли его собственные письма, адресованные Вэрзару, Леурдяну больше не мог отпираться и признал себя виновным.

Полное признание этого злодея во всех интригах, ко-

торые он плел, чтобы убить Кантакузино, вызвало еди-
нодушное возмущение многочисленного Собора. «Тут-то
все и познали, каков он есть,— пишет летопись,— и боль-
шие, и малые поносили его, и женщины, и дети его про-
клинали». Собор приговорил Леурдяну к смерти как
убийцу и передал в руки палачей, чтобы те казнили его.
Но самые подлые люди всегда трусливы. Леурдяну, не-
смотря на старость свою, любил жизнь. И видя, в какое
положение он попал, рухнул он со слезной просьбой пе-
ред женой постельничего Еленой Кантакузино и детьми
ее на колени, чтобы простили они его, умолял он и гос-
подаря даровать ему жизнь. И мольбе его внял. Господарь
оставил его в живых, но с условием, что Леурдяну
пострижется в монахи в тот же монастырь в Снагове, где
он убил Кантакузино, и возместит все убытки, причинен-
ные дому постельничего. После этого с великим бесче-
стием выволокли его из Собора и в одном кафтане, на
грудь которого повесили грамотку с приговором, поса-
дили в телегу, запряженную двумя волами, провезли че-
рез весь город, а потом отправили в монастырь, в Сна-
гов. Говорят, что Леурдяну, когда его насильно крести-
ли, услышав свое монашеское имя — Сильвестру, вос-
кликнул в ярости:

«Уж лучше бы Магомет!»

Так было отомщено безвинное убийство постельни-
чего Константина Кантакузино. Однако эта месть столь-
ко времени разъединяла и приводила в ярость две пар-
тии, от чего вынуждена была страдать и вся страна».

Как известно, монах Сильвестру не очень долго пре-
бывал в своем заточении. Ни эпитимия, наложенная на
него, ни стыд перед людьми после унижительного наказа-
ния, которое он претерпел, ни угрызения беспокойной
совести не вызвали в душе его раскаяния. Склонный к
интригам и неукротимый по характеру, он никак не мог
примириться со спокойной и молчаливой жизнью за мо-
настырскими стенами в Снагове. Ему удалось выбраться
из монастыря и бежать в Ардял, чтобы там соединиться
с воеводой Григорашку Гикой, а когда тот в 1672 году
во второй раз занял престол, ворник Строе Леурдяну за-
бросил подальше кlobук, скинул с себя рясу и вновь
принялся терзать всю страну и преследовать бояр, сто-
ронников Кантакузино.

Другое интересное сочинение о смерти постельничего
Константина Кантакузино было напечатано в «Географи-
ческом, историческом и литературном календаре» Д. Бо-

линтиняну¹ и А. Занне² за 1861 год. Новелла, опубли-
кованная под таким названием, позволяет узнать легкий
стиль одного из наших изящных поэтов; читать этот жи-
вой рассказ, привлекающий разум и затрагивающий
сердце, приятно. Но достойно всякого сожаления то, что
в нем отсутствуют некоторые качества, неизменные для
исторического повествования.

Действительно, сочинения подобного рода, цель кото-
рых изобразить драматические события истории в обрам-
лении всех жизненных подробностей, обретают наиболь-
шую цену при условии, если воссоздают не столько ход
реальных событий, не столько действительные лица, иг-
равшие в них свою роль, сколько, и это в первую оче-
редь, местный колорит, тот аромат минувших времен, ко-
торый переносит читателя в самый круговорот описывае-
мых событий, рисует ему те места, где они разверты-
ваются, заставляет его ощущать сопричастность к
обрядам, церковным богослужениям, к общественной и
частной жизни, разделять мысли и понимать язык того
времени и тех мест, где вершатся события, которых ка-
сается повествование.

Весьма прискорбно, скажем прямо, что автор новеллы
из «Календаря» за 1861 год часто не соблюдает эти важ-
ные правила и таким образом ставит читателя в неловкое
положение. В одном месте, к примеру, где весьма трoga-
тельно рассказывается о том, как в телеге, запряженной
волами, везут в Снагов несчастного постельничего, си-
лой оторгнутого от родного дома, читаем следующее:

«На рассвете телега остановилась у ворот монастыря.
Ватаф³ Александру проревел, будто зубр, чтобы откры-
вали ворота. Приказ его был услышан, и телега въехала
на монастырский двор...

— Слезай с телеги, архон⁴ постельничий! — крикнул
ватаф».

¹ Димитрие Болинтиняну (1819—1872) — румынский писатель, активный деятель революции 1848 г., издававший газету «Попорул суверан» («Суверенный народ»), автор стихов, прозы, романизированных биографий исторических лиц. (Примеч. перев.)

² Александру Занне (1821—1880) — румынский писатель и инженер, друг Димитрие Болинтиняну, его сподвижник по револю-
ции 1848 г. и литературным предприятиям. (Примеч. перев.)

³ Ватаф — историческое название начальника стражи при гос-
подарском дворе. (Примеч. перев.)

⁴ Архон — греческое обращение со значением «сиятельство»,
введенное в Дунайских княжествах в эпоху фанариотов, т. е. в
XVIII веке. (Примеч. перев.)

Если бы люди могли прочесть описание путешествия по Стране Румынской патриарха Макария из Антиохии, написанное по-арабски и переведенное только на английский язык и напечатанное в 1836 году, если бы им было доступно это редкое и чрезвычайно дорогое издание, тогда все действительно узнали бы, что в минувшие времена через озеро в Снагове был мост на сваях, который подводил к самому монастырю. Но читатель «Календаря», который не консультировался с Павлом из Алеппо, но которому известно, что монастырь в Снагове расположен посередине огромного озера, узнав вдруг теперь, что ватаф Александру посуху подъехал прямо в монастырский двор, вправе подумать, что ватаф куда могущественнее апостола Петра, который не умел ходить, не касаясь ногами воды, либо поверить, что в ту ночь сбылись те единственные строки, какие за всю свою жизнь сочинил французский философ Мальбранш¹, который произнес:

Сегодня день из всех любезный нам,
Чтоб по земле скакать и по волнам.

Но это еще что! Ведь при некотором воображении можно осушить даже озеро. А вот почему, скажите вы мне, ватафу Александру пришло в голову величать несчастного постельничего в его смертельный час архоном? Или они разговаривали между собой по-гречески, чтобы их не понимали простые стражники, и потому ватаф не обратился к нему на привычном румынском языке того времени: жупан² постельничий?..

К чему далее понадобилось автору превращать Марию, жену Григорашки Гики, которая, согласно летописи Амираса³, была дочерью Матейаша Стурзы, вистерника (казначей) из Молдовы, и сестрою спэтаря (оруженосца) Тоадера Стурзы, в лукавую гречанку? Таким образом, все главные действующие лица его новеллы становятся греками: Гика — грек, Кантакузино — грек, государыня тоже гречанка. Таким образом, сюжет стал совсем греководным!

¹ Мальбранш Никола (1638—1715) — французский оратор и философ-идеалист. Его отвращение к поэзии и истории в свое время были притчей во языцех. (Примеч. перев.)

² Жупан, или жупыи — румынское обращение к боярину со значением барин, хозяин, сударь. (Примеч. перев.)

³ Александру Ам и р а с — греческий книжник, написавший историю пребывания шведского короля Карла XII в Оттоманской империи после поражения под Полтавой. По поручению господара Григоре Гики составил свод летописей. (Примеч. перев.)

Было бы лучше оставить прекрасной государыне ее молдавское происхождение и показать в конце новеллы, как мучают ее душу, отягченную участием в преступлении, угрызения совести. «Когда через несколько лет пришло время божьей кары и у нее тяжело заболел грудной ребенок, который метался в пеленках, словно тридцатилетний мужчина, и ревел так, будто ржала лошадь, горе родителей было безмерно. Они раскаивались в смерти Кантакузино и, потеряв окончательно разум и соображение и не зная, что же делать, блуждали по дому, шатаясь от стены к стене».

В Снагове хранится и другое доказательство раскаяния, которое переживала в душе своей государыня Мария. Это крестильный крест, украшенный с обеих сторон пятью иконками, вырезанными из кипарисового дерева и оправленными в золоченое серебро. По рукоятке этого креста, заканчивающейся закруглением, выгравирована на славянском языке надпись:

«Крест этот изготовила раба божия государыня Мария, жена господара Григорие Гики, для святого монастыря Снагова. Вечная ей память! Февраля четвертого дня, лета 7171 (1663)».

В этих словах — вечная ей память! — так и кажется, что слышишь отзвук нескончаемых угрызений совести.

Поскольку мы заговорили о кресте государыни Марии, то упомянем и другой крест, хранящийся в Снагове. Этот изготовлен из рога единорога (т. е. носорога), украшен резными иконками и серебряной проволокой (филигранью) со следами выкрошившейся эмали. Рукоять этого креста исчезла, и современное состояние его позволяет думать, что он довольно-таки древен. Вообще очень трудно определить, когда была изготовлена эта тонкая резьба, какой отличаются деревянные или костяные иконки, украшающие крестильные кресты в наших церквях. С давних пор монахи на Востоке, а также в некоторых обителях у нас в стране и в России, и резали подобные иконки, и традиционный стиль столь тщательно сохранялся, что по предмету как таковому чрезвычайно трудно определить время его изготовления, если не имеется при этом каких-либо дополнительных, уточняющих указаний. Крупная скульптура, или, лучше сказать, трехмерная скульптура, была изгнана из восточной церкви еще во времена иконоборцев, в VIII—IX веках. Резной орнамент сохранился только на церковной утвари малого размера и на мебели, не имеющей отношения к богослужению.

жению. Подобные предметы никогда не изготовлялись из камня, а чаще всего из драгоценных металлов, из рога, слоновой кости, перламутра, черепахового панциря или же из дерева: дуба, ореха, каштана, тисса, самшита, кипариса, сандала и других пород — более или менее ценных. Это были по большей части дверные створки, иконостасы, рипиды¹, подсвечники разных размеров, шкатулки и кошельки для мошей, алтарные или крестильные кресты и, наконец, простые иконки, двойные или тройные, широкое распространение которых падает на времена крестовых походов, когда каждый рыцарь, каждый воин носил на груди повешенную на шею подобную иконку, тщательно вырезанную восточным мастером. Подобные двойные складни, или диптики, состоящие из двух створок, накладывающихся одна на другую, с давних времен были в ходу еще у римлян. Когда гражданин великого Рима получал должность консула или какое-либо другое высокое назначение, он, согласно обычаю, посылал своим друзьям в качестве напоминания о себе подобные пластинки из слоновой или другой кости, на одной из которых был вырезан его портрет и обозначение новой его должности, а на другую наносился тонкий слой воска для письма. Уже в христианские времена епископы, а вслед за ними и настоятели церквей, как на востоке, так и на западе, привыкли иметь при себе подобные диптики разной величины. Итальянский ученый Гори², который издал книгу под названием «Сокровищница диптиков», делит церковные диптики на четыре разряда: первый — диптики, на которых записывались имена вновь обращенных и новорожденных, второй — отмечал имена делавших церковные вклады, имена господарей и епископов, третий — хранил память об именах святых, которые возвысили церковь своим мученичеством или блеском своей мудрости; и, наконец, четвертый разряд — с именами верующих, церковнослужителей или мирян, которые скончались в лоне истинной церкви. Отсюда видно, как зародились поминальнички, которые в настоящее время имеются в любой восточной церкви. Однако старинные таблички, на которых сначала писались имена господарей, ктиторов,

¹ Рипида — опахало, в виде круглого, посаженного на древо образа херувима, которым отгоняют мух от святых даров. (Примеч. перев.)

² Антонио Франческо Гори (1691—1757) — итальянский археолог, автор монументального описания консульских и церковных диптиков под названием «Сокровищница диптиков». (Примеч. перев.)

глав церкви, дарителей, теперь исчезли даже из самых старинных монастырей. Безымянный летописец, возможно, что это был логофет Раду Гречану, приводит выписку из древнего деревянного поминальничка, хранившегося в монастыре в Кымпулунге. Но его уже нету больше. Во время наших экскурсий лишь в скиту Брэдета, под горою Нукшоарой, на берегу реки Вылсан, случилось нам найти поминальнички в виде складня триптиха, но не резного, а рисованного, да и тот не древнее царствования Матая Басараба (1646). В большинстве крупных румынских монастырей поминальнички представляют собой книжечки, самые старые относятся ко временам Константина Брынковяну, а иногда даже и к эпохе фанариотов. В Снагове же и этого нет, здесь имеется только листок с именами господарей, отцов церкви и частных лиц, которые перечислены безо всякой пользы для хронологии или истории монастыря.

Однако по документам и надписям мы постарались составить список игуменов этого святого места. Не будем утверждать, что он точен, потому что, вполне возможно, имеет много пропусков...

Самый первый из настоятелей не мог появиться раньше грамоты, которой господарь Влад¹ в лето 6949 (1441) определил владения и права монастыря в Снагове. О преемниках его, за исключением епископа Партения и его рокового воздействия на судьбу монастыря, не имеется никаких интересных сведений.

Только в конце XVII века наше внимание могут привлечь два игумена. Один, как видно, был пройдоха, второй же, безо всякого сомнения, был человеком достойным и деловым...

...Так поговорим об игумене, человеке достойном. Воистину таким и был Антим Ивирияну — типограф, который при господаре Шербане Кантакузино первое, что сделал в монастыре Снагова, так это установил типографский пресс, из-под которого вышло много церковных книг на румынском, греческом, славянском и арабском языках.

Мы не обладаем достаточными документами, чтобы составить полное жизнеописание этого выдающегося монаха, который из монастыря Ивиру на Афонской горе приехал игуменом в Снагов и устроил здесь богатую и деятельную типографию. В 1705 году он становится епис-

¹ Имеется в виду Влад II по прозвищу Дракул (отец Влада III по прозвищу Цепеш), правивший в 1435—1466 годах. (Примеч. перев.)

копом Рымника, в 1709 — митрополитом Угровлахии и, преследуемый фанариотами за то, что стал добрым румынским патриотом, погибает, подло утопленный в Дунае по приказу господаря Николае Маврокордата (1716). Просвещенный и плодовитый художник, он оставил в стране многочисленные доказательства своих разнообразных способностей. В Бухаресте, в воздвигнутом им монастыре Антим, входные деревянные врата в церковь, мастерски украшенные резьбой, по преданию, дело его рук, а на запоре этих дверей с массивными медными гравируемыми пластинами, что можно проверить, имеется якобы его фамилия. В Снагове, где он был игуменом в течение многих лет, до сих пор хранится шарообразная с конической крышкой, опирающейся на три изогнутые ножки, серебряная курильница, или кадило. Курильница эта установлена на широком подносе, по краю которого выгравировано следующее:

«Эта курильница вместе с потиром и всем к нему принадлежащим, будучи сломана, восстановлена была в дни преосвященного господаря Константина на средства смиренного иеромонаха Антима Ивирянчу¹ — типографа. В лето 7203 (1694)».

На обратной стороне подноса латинскими буквами, курсивом с завитушками, выгравировано:

«Даниель Фодор изготовил. Год 1694».

а чуть ниже обозначен вес: «326 драм»².

Среди монастырских книг, количество которых сведено теперь до того, сколько необходимо их для исполнения службы, да и то книг новых и весьма малоценных, я нашел лишь одну рукописную книгу, изготовленную на бумаге и переплетенную, которая представляет собой минее³ на декабрь месяц, написанную по-славянски. На оборотной стороне переплета выведено от руки:

«Эта минея на декабрь месяц, разорванная и рассы-

¹ Антим Ивирянчу (?—1716) — митрополит Страны Румынской. Выходец из Грузии, был приглашен в Дунайские княжества как художник и типограф. Занимал высокие церковные посты, в том числе настоятеля монастыря в Снагове, настойчиво занимался распространением типографского дела. Печатал книги и для грузинских монастырей. (Примеч. перев.)

² Драм — старинная мера веса в Дунайских княжествах, около 3 грамм. (Примеч. перев.)

³ Минея — церковная книга, разделенная по числу месяцев на двенадцать частей с указанием служб на каждый день. (Примеч. перев.)

панная, переплетена на средства смиренного иеромонаха Антима Ивирянчу — типографа во дни правления господаря Константина, когда он был наставником этого святого храма в Снагове. Лето 7203 (1695), август месяц, 29 дня».

Вот все, что осталось от этого замечательного мужа в том месте, где он начал свою карьеру, весьма плодотворную для его приемной родины. Но сколько бы раз ни открывалась книга литературной памяти румын, славное имя Антима-типографа каждый раз будет возникать одним из первых. В истории нашего национального прогресса он всегда будет упоминаться с признательностью и во все времена пользоваться тем высоким почтением, какое выпадает на долю тех, кто самоотверженно и деятельно сумеет возглавить просвещение народа.

Наши усердные изыскания в Снаговском монастыре водили нас от сводов старинных келий к разрушенным стенам храма, от настенной живописи к надгробным плитам, от алтарной резьбы к церковным книгам и исчезнувшим поминальникам, но нам так и не удалось напасть хоть на какую-нибудь надпись, которая напомнила бы про логофета Раду из Периац, три сына которого — логофет Винтилэ, постельничий Стойка и логофет Сибиу — привезли в 1683 году в Снаговский монастырь тело усопшего отца, чтобы похоронить его там, и отписали святой обители, согласно дарственной, поместье Периац, или Которка, что в уезде Яломица, чтобы было усопшему и им самим вечное поминовение.

Зато на стене в левом притворе алтаря, что зовется дякоником, ибо служит дяконам и священникам для хранения облачения и переодеваний, я видел глубоко выцарапанную надпись на славянском языке от имени совсем неведомого человека.

«Писал это я, Бадя-грамматик из Добрешть, в дни господаря Антоние. Июня месяца, 29 дня в год 717 <?>».

Удивительна судьба человеческая! Один дарит поместье, чтобы вечно поминалось имя его, и уже через несколько лет никто о нем даже не помнит! Другому нравится царапать на церковных стенах пустяковые надписи, и его имя все время находится перед глазами священника, когда тот готовится помянуть усопших православных! Но господь бог, во всем устанавливающий справедливый порядок, наградил людей лекарством от их недугов. Чтобы не исчезли в вечном забвении достойные деяния, погребенные под прахом минувшего, чтобы вновь возвысить униженную славу и заклеить высокомерное

ничтожество, он вдохнул в человека любовь к прошлому, к науке археологии, ту благородную страсть собирателя древностей, которая заставляет повсюду искать следы отлетевших дней, побуждает взвешивать на весах справедливости все, что сделали предки, и отбирать из содеянного ими то, что полезно и поучительно для будущего.

Но дорога и благородная страсть пробудили во мне страшный голод, так что первым моим желанием, лишь только я вышел из храма, было попросить чем-нибудь отобедать у монахов, которые смотрели на меня, разинув рты, пока я переписывал надписи на стенах, надгробных камнях и серебряных изделиях. Монахи с постными лицами шарахнулись в сторону и стали клясться, что у них ничего нет, что с тех пор, как у них отобрали монастырские доходы, им не на что даже жить; что их теснят со всех сторон, что нет у них ни одежды, ни жилья, ни пищи, и, наконец, бедная братия дружно изобразила всем своим видом, какую печаль она испытывает в связи с тем, что их лишили прежней сытой праздности, а монастырь их, превращенный в тюрьму, используется как более полезное учреждение.

Получив такой отказ, мне пришлось обратиться к тюремным служителям, но только после долгой и пышной речи, в которой я восславил рыбу в озере Снагова, я вынудил их выудить из садка замечательную плотвицу, живую, жирную и достаточно большую.

Плотва в Снагове достойна пространной научной диссертации, где ее надлежало бы назвать по-латыни, указать на ихтиологический класс, в который ее следует поместить, описать ее дыхательные и плавательные органы и указать на множество других чрезвычайно интересных подробностей, касающихся ее нравов и интимной жизни. Что до нас, знакомых с этим интересным существом только в бездыханном виде и жареном состоянии, в каком она не меньше достойна внимания, чем в любом другом, то мы попытаемся описать, с помощью каких средств человек со вкусом может возвести ее в наивысший ранг кулинарных изделий.

«Как так?! — воскликнет кто-нибудь из читателей, исповедующих одни лишь высокие идеалы. — Неужели он хочет говорить о самой прозаической кухне? Разве можно музу поэзии и истории ставить за прилавок в рыбном ряду или окунать в рыбный садок?» — «О господи! Какую грубую ошибку ты совершаешь, дорогой мой читатель, — отвечу я ему. — Разве не одно из счастливейших

достоинств человеческого духа эта способность опозитивировать все, что угодно, в зависимости от собственного вкуса? В любом поступке, в любом состоянии человек может найти нечто привлекательное, что будет отвечать его вкусам и может возбудить его вдохновение.

Вообрази, читатель, что ты путешествуешь и позади уже долгий путь. Ты устал и так проголодался, что с наслаждением съел бы что-нибудь добротное и вкусное. Тогда ты располагаешься в тени старого дуба на ковре из зеленой травы и разжигаешь из щепок маленький костер, который начинает весело потрескивать, вызывая приятные предвкушения... И если, к счастью, у тебя имеется свежая и жирная снаговская плотва, ты делаешь ножом с обеих ее сторон надрезы, присаливаешь и кладешь на решетку, поверх пылающих углей. Плотва постепенно подрумянивается, и ты ее переворачиваешь с боку на бок. Пока рыба запекается на углях и меняет свою бледную окраску на коричневато-желтую, как янтарь из Сибициу¹, ты, не теряя времени, выжимаешь в миску несколько сочных и ароматных лимонов, смешаешь сок с ложкой растительного масла, которое запахом и прозрачной желтизной напоминает пылающее солнце Прованса. Чтобы оживить и подбодрить этот бледный и прозрачный соус, всыпаешь в него немного молотого черного перца, после чего начинаешь энергично взбивать ложкой, пока он не превратится в легкую и чуть золотистую пену. Теперь ты выкладываешь пропеченную плотву на тарелку, поливаешь ее взбитым соусом и закрываешь другой тарелкой. Когда через пять минут ты отведаешь этого деликатного кушанья, бьешь об заклад, ты признаешь, что знаменитая морская рыба, именуемая камбалой, воспетая великим Ювеналом², по поводу приготовления которой велись споры в суровом римском сенате, не столь вкусна, как снаговская плотва, приготовленная описанным способом!»

Этим кулинарным рецептом мы и закончим записки, уверенные в том, что хотя бы за него читатель останется нам вечно благодарным.

¹ Сибициу (Верхнее и Нижнее) — название двух старинных сел в уезде Плоешти, возле которых имеются залежи янтаря. (Примеч. перев.)

² Децим Юний Ювенал (ок. 60 — ок. 127 до н. э.) — римский поэт-сатирик. Автор 16 сатир. В четвертой, именуемой «Камбала», издается над сенатом, который при императоре Доминиане стал советом при царской кухне. (Примеч. перев.)